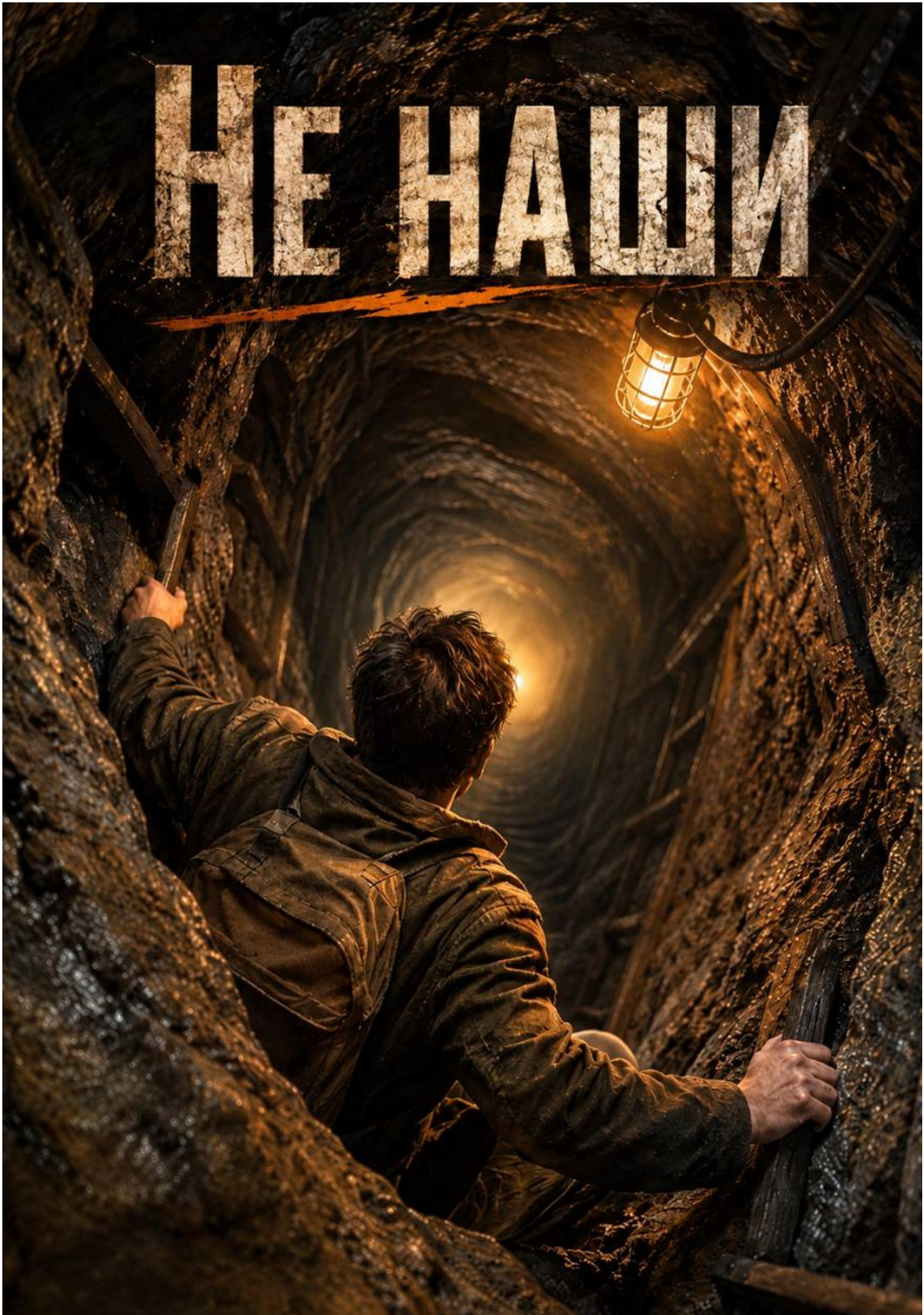

НЕ НАШИ

Лео Блан

Не наши

«Автор»
2026

Блан Л.

Не наши / Л. Блан — «Автор», 2026

В маленьком городе Тенфолд-Гейт происходит аномалия, связанная с древним внеземным объектом, скрытым глубоко под заброшенной каменоломней. Главный герой, Эллиот Вэнс, первым замечает, что люди вокруг начинают меняться. Они выглядят как прежние, говорят как прежние, помнят всё — но в них исчезает человеческая неправильность, живая хаотичность, эмоция, запах, случайность.

© Блан Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Человек, который слышит лишнее 5
Глава 2 10
Эхо в пустоте 10
Глава 3 13
Сдвиг парадигмы 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Лео Блан
Не наши

Глава 1

Человек, который слышит лишнее

Эллиот Вэнс когда-то был человеком большого города, точных расчётов и дорогих лабораторий. Он работал в Сиэтле, проектировал акустические системы и занимался промышленным шумоподавлением. Он умел отделять полезный сигнал от помех, слышать закономерности там, где другие слышали только гул, скрежет и усталость металла. Когда-то это казалось талантом. Потом стало проклятием.

После аварии на одном из объектов, где он тестировал систему подавления низкочастотных резонансов, Эллиот ушёл из профессии почти сразу. Официально причиной значилось нервное истощение. Неофициально — он начал слышать то, чего не должно было существовать. Не голоса и не мистику, а странные структурные рисунки в обычных звуках: повторяющиеся интервалы в шуме вентиляции, математически точные пульсации в дребезге окон, ритмы, которые не могли возникнуть случайно. Врачи говорили о последствиях травмы, о тревожном расстройстве, о гиперфиксации. Эллиот соглашался, кивал, принимал таблетки, но внутри оставался уверен: мир действительно звучит не так, как должен.

В Тенфолд-Гейт он переехал два года назад, надеясь, что маленький город, лес, сырой воздух и удалённость от больших производств помогут ему снова стать обычным человеком. Здесь он снимал дом на окраине, подрабатывал ремонтом аудиотехники, иногда настраивал аппаратуру в местной церкви, а по вечерам записывал окружающие шумы — дождь по жестяной крыше, гудение линий электропередачи, треск старых холодильников, далёкие грузовики на трассе. Он говорил себе, что это просто привычка. На самом деле он всё ещё искал.

В ночь на семнадцатое октября Эллиот не спал.

Он сидел на кухне в шерстяном свитере, с кружкой давно остывшего кофе, и просматривал спектрограмму записи, сделанной за час до полуночи. За окном шёл дождь. На экране ноутбука тянулись привычные полосы фонового шума — ровные, скучные, безопасные. Эллиот уже собирался закрыть программу, когда заметил провал.

Не всплеск. Не помеху. Именно провал.

На протяжении семи секунд весь звуковой фон в записи словно был вырезан из реальности. Остались только слабые следы внутренних шумов самого микрофона, но внешний мир исчез. Ни дождя, ни ветра, ни далёкого шоссе. Будто пространство вокруг микрофона на мгновение перестало передавать колебания.

Эллиот выпрямился.

Он перемотал назад. Прослушал снова. Потом ещё раз, уже в наушниках. Тишина была не просто отсутствием звука — она имела форму.

Эллиот не сразу понял, что именно его пугает. Не сам провал, а его края. Обычно любой шум, даже резко оборванный, оставляет след: затухание, дрожь, остаточную рябь, микроскопические колебания, которые техника всё равно ловит. Здесь же границы тишины были слишком чистыми, будто кто-то аккуратно вырезал кусок мира острым инструментом и вставил на его место пустоту.

Он увеличил масштаб.

Семь секунд. Ровно.

Не шесть целых девять. Не семь и две десятых. Ровно семь.

Эллиот почувствовал, как по спине проходит холодок. Он открыл другую запись — с уличного микрофона, закреплённого под козырьком крыльца. Потом третью — с диктофона в спальне. Потом четвёртую — старый рекордер, который он оставлял в подвале, где обычно гудели трубы и потрескивал бойлер.

На всех файлах был тот же провал.

Семь секунд абсолютного отсутствия внешнего звука.

— Нет, — тихо сказал он самому себе, хотя в пустой кухне собственный голос прозвучал чужим. — Нет, так не бывает.

Он быстро открыл программу анализа частот и наложил записи друг на друга. Совпадение было идеальным. Не просто по времени — по структуре остаточного шума. Как будто в эти семь секунд весь мир вокруг его дома оказался внутри одной и той же герметичной камеры.

Эллиот машинально потянулся к телефону. Сначала хотел позвонить в метеослужбу округа, потом в службу электросетей, потом вообще никому. Он уже знал, как это будет звучать: бывший инженер с историей нервного срыва сообщает, что ночью записал «неправильную тишину». Даже если его выслушают, в лучшем случае посоветуют поспать.

Он откинулся на спинку стула и заставил себя дышать медленно.

Паника всегда начиналась одинаково: ускоренный пульс, ощущение, что стены чуть сдвигаются, а привычные предметы теряют надёжность. После аварии он научился распознавать первые признаки и не доверять им. Но сейчас дело было не в нём. На экране лежал факт. Цифровой, измеримый, повторяемый факт.

Эллиот открыл местный форум, где жители Тенфолд-Гейта обсуждали всё подряд — от пропавших собак до перебоев с водой. Новые сообщения появлялись там редко, особенно глубокой ночью, но этой ночью лента жила лихорадочной, рваной жизнью.

Первая ветка появилась в 03:22:*«Кто-нибудь ещё это почувствовал? Минут десять назад в районе карьера будто пол под ногами просел. У меня чашки в серванте зазвенели, но без звука. Не знаю, как объяснить».*

Ответы сыпались с неестественной для сонного городка скоростью:*«У меня собака забилась под крыльцо, скулит и не выходит. Дождь хлещет в стекло, а я его не слышал. Думал, у меня инсульт».«Кровь из носа пошла прямо во сне. Проснулся от того, что подушка мокрая. Жена тоже говорит, голова раскалывается».«В восточном районе свет моргнул три раза. Но часы не сбились. Что за чертовщина на станции?»*

Эллиот листал экран, и сухое, аналитическое спокойствие инженера внутри него начало трещать по швам. Это не было слуховой галлюцинацией. Не было проекцией его личной травмы. Воздействие накрыло долину широким фронтом, и его эпицентр угадывался безошибочно — «Северный Кряж».

Старая известняковая каменоломня была закрыта ещё в конце восьмидесятых, когда грунтовые воды затопили нижние выработки. Местные подростки лазали туда пить пиво и жечь костры, а городские власти раз в пару лет лениво обновляли покосившиеся щиты с надписью «Опасно: частная собственность». Ничего примечательного. Обычный шрам на теле земли, заросший ежевикой и мхом.

До сегодняшней ночи.

Эллиот вернулся к графику на мониторе. Он выделил семисекундную лакуну, инвертировал фазу и задрал усиление сигнала до предела, вытягивая цифровую информацию из того, что выглядело абсолютным нулем. Если аппаратура зафиксировала вакуум колебаний, значит, сама мембрана микрофона во что-то упёрлась. Звуковая волна не может просто раствориться — закон сохранения энергии никто не отменял. Она либо рассеивается в тепло, либо компенсируется противофазой.

Динамики ноутбука слабо зашипели от предельного гейна. Эллиот надел мониторные наушники, закрыл глаза и нажал «Play».

Сначала не было ничего, кроме белого шума перегруженного тракта. Затем, на четвертой секунде «пустоты», сквозь синтетический шелест пробилось нечто иное.

Не звук. И даже не инфразвук.

Это был математический код, переведённый в механическое напряжение среды. Он не звучал — он *давил* на барабанную перепонку с цикличной периодичностью: короткий импульс, пауза в тридцать миллисекунд, длинная серия микросжатий, похожая на скрежет сверхплотного кристалла о стекло, и снова провал. Рисунок не походил ни на природную сейсмику, ни на промышленный фон. В нём сквозила чудовищная, выверенная до десятых долей герца геометрия.

У Эллиота свело челюсти, во рту появился отчетливый металлический привкус, точно он прикоснулся языком к контактам девятивольтовой батарейки.

Он сорвал наушники и бросил их на стол.

В тишине кухни тиканье настенных часов показалось ему оглушительным. Но к этому тиканью примешивалось что-то ещё.

Эллиот замер, не дыша.

В углу под раковиной, там, где проходила старая чугунная труба слива, стояла тонкая, едва уловимая вибрация. Она не имела ничего общего с током воды. Труба не дребезжала — она резонировала, словно принимая передачу откуда-то из глубины скальной породы.

Город не просто проснулся от толчка. Город продолжал гудеть на частоте, которую люди обычно не замечают, пока не станет слишком поздно.

Эллиот подошел к окну и отодвинул тяжелую влажную штору. Дождь за стеклом снова шумел — серые струи размывали тусклый свет единственного уличного фонаря на перекрестке. Но на противоположной стороне улицы, у дома старого Маркуса, бывшего лесничего, стояла фигура.

Без зонта. Без плаща.

Человек просто стоял на краю подъездной дорожки под ледяным октябрьским ливнем, запрокинув голову к непроглядному, низкому небу. Руки были вытянуты вдоль тела по швам — неподвижно, симметрично, с неестественной фиксацией суставов.

Эллиот прижался лбом к холодному стеклу, пытаясь рассмотреть лицо сквозь пелену воды. Он знал Маркуса: семидесятилетний подагрик, вечно шаркающий в засаленной фланелевой рубашке, сварливый и подозрительный. Сейчас этот человек стоял абсолютно прямо, словно у него сменили позвоночник на стальной штырь.

И он не шевелился. Он не моргал от капель, бьющих прямо в открытые глаза.

Он слушал.

Эллиот медленно отступил вглубь кухни, не спуская взгляда с темного силуэта за окном. В висках пульсировала одна и та же мысль, четкая и холодная, как спектрограмма на его мониторе: импульс в 03:14 не был аварией.

Это была синхронизация.

Маркус стоял под дождём ещё около минуты.

Потом, без всякого перехода, развернулся и пошёл к дому. Не быстро, не медленно — с той ровной, экономной точностью, с какой движутся механизмы, у которых нет сомнений, усталости и боли в коленях. Свет на его крыльце вспыхнул, когда он поднялся по ступеням. Дверь открылась. Закрылась.

И улица снова стала пустой.

Эллиот ещё долго не отходил от окна. Он ждал, что сосед снова выйдет, что в одном из домов загорятся окна, что кто-нибудь выбежит на улицу, закричит, спросит, что происходит. Но Тенфолд-Гейт будто решил переждать эту ночь, затаившись в собственных стенах. Только

дождь бил по асфальту, по водостокам, по крышам машин, и теперь этот звук уже не успокаивал. После увиденного любой шорох казался маскировкой чего-то другого, более глубокого и чужого.

Эллиот вернулся к столу и снова посмотрел на экран. Семь секунд пустоты. Сигнал в трубе. Маркус под дождём.

Три факта. Пока ещё не доказательство. Но уже система.

Он открыл карту округа и наложил на неё старые геологические схемы, которые когда-то скачал из открытого архива штата — просто из профессионального любопытства. Каменоломня «Северный Кряж» лежала на известняковом массиве, пронизанном естественными карстовыми пустотами. Ниже шли старые выработки, часть которых после закрытия затопило. Ещё глубже, по отчётам семидесятых годов, буровики фиксировали аномально плотный слой породы, нехарактерный для района. Тогда это списали на ошибку приборов и прекратили разведку: добыча и без того стала нерентабельной.

Эллиот увеличил фрагмент карты.

Плотный слой лежал как раз под центральной чашей карьера.

Он почувствовал, как внутри поднимается знакомое, почти забытое возбуждение — то самое, которое когда-то делало его хорошим инженером. Страх никуда не делся, но рядом с ним включилась другая часть сознания: холодная, цепкая, жадная до закономерностей. Если под каменоломней что-то есть, оно взаимодействует со средой через вибрацию. Если оно взаимодействует, значит, его можно измерить. А если можно измерить — можно понять.

Эта мысль была единственным, что удерживало его от того, чтобы запереть дверь, выключить свет и сделать вид, будто ничего не произошло.

Эллиот потянул к себе блокнот — старый, в клетку, с замятыми углами, весь исписанный формулами, частотными таблицами и обрывками наблюдений, которые он никогда никому не показывал. На чистой странице он быстро вывел три строки:

03:14 — семисекундная тишина. После — остаточный структурный сигнал. Источник вероятно под Северным Кряжем.

Он замер, потом добавил четвёртую:

Поведенческая аномалия: Маркус. Возможная реакция на сигнал.

Слово «реакция» ему не понравилось. Оно было слишком мягким, слишком научным для того, что он увидел в окне. Но слова «заражение» или «контроль» были бы пока ложью. Эллиот ненавидел ложные выводы. Именно они когда-то стоили ему карьеры.

Он посмотрел на часы. 03:47.

До рассвета оставалось ещё несколько часов — слишком мало, чтобы уснуть, и слишком много, чтобы просто сидеть и ждать. Он поднялся, прошёл в кладовку и достал пластиковый кейс с оборудованием, которое не открывал уже несколько месяцев. Внутри лежали портативный рекордер, контактные микрофоны, набор кабелей, старый вибродатчик, аккумуляторы, фонарь, складной штатив и компактный анализатор спектра, купленный когда-то на распродаже списанной лабораторной техники.

Он раскладывал всё на столе с почти ритуальной аккуратностью, и от этого становилось легче. Предметы были реальны. Их назначение было понятно. Они подчинялись законам, которые не менялись от страха.

Когда он вставлял батареи в рекордер, телефон коротко завибрировал.

Новое сообщение на местном форуме.

Пользователь с ником **RuthMiller** написал всего одну фразу:

«Кто-нибудь знает, почему мой муж стоит в ванной и уже двадцать минут смотрит на слив?»

Эллиот перечитал её дважды.

Потом обновил страницу.

Ответов было уже несколько.

*«Мой брат вышел во двор босиком.»«У нас в больнице привезли троих с одинаковыми жалобами: звон в голове и ощущение, что кто-то зовёт по имени, но без слов.»*_«Это, наверное, утечка газа или военные учения.»

Эллиот захлопнул крышку ноутбука, ощущая, как липкий ужас сжимает горло: импульс из каменоломни начал перестраивать сознание горожан через резонирующие коммуникации. Заперев замки, он проверил уровень заряда полевого анализатора и положил в карман куртки контактный датчик. Теперь пути назад не было — ответы лежали на дне «Северного Кряжа», куда следовало добраться до наступления рассвета, пока изменившиеся люди не перекрыли выезды из города. Закинув тяжелый кейс на плечо, Эллиот вышел в темный коридор навстречу надвигающейся катастрофе.

Глава 2

Эхо в пустоте

Утренний воздух Тенфолд-Гейта был густым и влажным, пропитанным запахом мокрой земли и прелых листьев. Дождь прекратился, оставив после себя лишь блестящие лужи на асфальте и тяжелые капли, срывающиеся с потемневших от сырости крыш. Эллиот ехал на своем стареньком пикапе, стараясь не смотреть по сторонам. Каждый дом, каждая улица казались ему теперь подозрительными, скрывающими что-то неправильное под маской обыденности.

Он выбрал дорогу, ведущую к окраине, подальше от центра города, где, как он предполагал, влияние аномалии могло быть менее концентрированным. Его целью была заброшенная каменоломня «Северный Кряж». Старые карты и геологические отчеты, которые он успел изучить, указывали на нее как на эпицентр. Там, под толщей известняка, скрывалось то, что нарушило привычный ритм мира.

По мере приближения к каменоломне пейзаж становился более диким. Дорога превратилась в разбитую грунтовку, окруженную густым лесом. Ветки деревьев, мокрые и тяжелые, хлестали по стеклам пикапа, словно пытаясь остановить его. Эллиот чувствовал, как напряжение нарастает. Он был один, вооруженный лишь своим оборудованием и обостренным слухом, который теперь казался ему одновременно и даром, и проклятием.

Наконец, сквозь заросли показались ржавые, покосившиеся ворота с выцветшей надписью «ОПАСНО». За ними зияла огромная, черная пасть карьера, уходящая вглубь земли. Стены каменоломни были покрыты мхом и лишайниками, а на дне виднелось темное, неподвижное озеро, образовавшееся от затопленных выработок. Воздух здесь был холоднее, и от него веяло сыростью и забвением.

Эллиот заглушил двигатель и вышел из машины. Тишина, которая окутала его, была иной, чем та, что он записал ночью. Эта тишина была естественной, наполненной шелестом ветра в кронах деревьев и отдаленным криком какой-то птицы. Но под ней, как он чувствовал, таилось что-то другое.

Он достал из кейса контактный микрофон и прикрепил его к металлическому столбу у ворот. Затем развернул штатив с портативным анализатором спектра. Прибор тихо загудел, начиная сканировать окружающую среду. Эллиот надел наушники, стараясь уловить малейшие отклонения от нормы.

Первые минуты ничего не происходило. Только привычный фоновый шум леса и отдаленный гул линий электропередачи. Эллиот начал сомневаться. Может быть, он ошибся? Может быть, ночная аномалия была лишь случайным сбоем, вызванным грозой или чем-то подобным?

Но потом он услышал.

Сначала это было едва уловимое, низкочастотное гудение, которое, казалось, исходило из самой земли. Оно было похоже на отдаленный рокот, но без той хаотичности, которая присуща природным явлениям. Это был ровный, монотонный звук, который проникал сквозь кости и заставлял зубы слегка вибрировать.

Эллиот увеличил чувствительность анализатора. График на экране начал оживать, показывая четкие, повторяющиеся пики в низкочастотном диапазоне. Это не было похоже ни на что, что он слышал раньше. Это был сигнал, но не в привычном понимании. Это было скорее… давление. Структурное напряжение, передаваемое через материю.

Он медленно двинулся к краю карьера, держа микрофон наготове. Чем ближе он подходил, тем сильнее становилось гудение. Оно проникало в сознание, вызывая легкое головокружение и ощущение дезориентации. Эллиот чувствовал, как его собственное тело начинает резонировать с этим чужеродным сигналом.

Внезапно, анализ показал резкий скачок. Гудение усилилось, превратившись в пульсирующий ритм. Эллиот остановился, пытаясь понять, что происходит. Он посмотрел на свои руки – они слегка дрожали.

И тут он увидел.

На противоположной стороне карьера, у самой кромки воды, стояла фигура. Она была неподвижна, словно высечена из камня. Эллиот не мог разглядеть черты лица, но силуэт был знакомым. Это был человек.

Он стоял так же, как Маркус прошлой ночью – абсолютно прямо, с вытянутыми вдоль тела руками. Его голова была запрокинута, словно он смотрел на что-то, невидимое для Эллиота.

«Еще один», – пронеслось в голове Эллиота.

Он медленно поднял руку, указывая на фигуру. Анализатор спектра зафиксировал новый всплеск активности, совпадающий с появлением человека. Сигнал усиливался, когда человек стоял неподвижно.

Эллиот почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это не было случайностью. Это было частью чего-то большего. Человек на той стороне карьера был не просто наблюдателем. Он был… резонатором. Носителем.

Он достал из кейса вибродатчик и осторожно прикрепил его к камню у своих ног. Прибор начал регистрировать мелкие, но постоянные вибрации, исходящие из глубины. Это было то самое структурное напряжение, которое он слышал.

Эллиот сделал шаг вперед, к краю карьера. Фигура на той стороне не шелохнулась. Казалось, она полностью поглощена чем-то, что происходило внутри нее.

«Что ты там слышишь?» – мысленно спросил Эллиот.

Он снова посмотрел на график. Пики становились все более четкими, образуя сложный, но повторяющийся узор. Это был не просто звук. Это была информация. Код.

Эллиот почувствовал, как его собственное тело начинает откликаться на этот код. В голове возникли странные образы – геометрические фигуры, переливающиеся цвета, ощущение бесконечного пространства. Он попытался оттолкнуть их, но они были навязчивыми, проникающими в самые глубины сознания.

Он вспомнил слова из пролога: «Человечество для них не первое». Это означало, что этот процесс уже происходил где-то еще. Что эти существа уже прошли через другие виды. И теперь они здесь.

Эллиот почувствовал, как его охватывает паника. Он был один, посреди этого дикого, заброшенного места, где сама земля, казалось, начала издавать чужеродные звуки. И он видел, как люди вокруг него начинают меняться, становясь частью этого… сигнала.

Он посмотрел на фигуру на той стороне карьера. Она все еще стояла неподвижно, словно в трансе. Эллиот понял, что ему нужно действовать. Ему нужно понять, что происходит, прежде чем он сам станет таким же.

Он снова посмотрел на свой анализатор. Сигнал становился все сильнее. Он чувствовал, как вибрация проникает в его тело, как будто его собственные клетки начинают подстраиваться под этот чужеродный ритм.

Эллиот знал, что ему нужно спуститься вниз. Туда, где, по его предположениям, находился источник этого сигнала. Туда, где скрывалось то, что не должно было быть обнаружено.

Он посмотрел на крутой, обрывистый склон карьера. Это было опасно. Но другого выхода не было.

Собрав всю свою волю в кулак, Эллиот начал спускаться. Каждый шаг был риском. Каждый звук, каждый шорох казался ему предвестником чего-то ужасного. Но он шел вперед, ведомый холодным, аналитическим разумом инженера, который искал закономерности даже в самой кромешной тьме.

Он шел навстречу эху в пустоте. Навстречу тому, что не было нашим.

Глава 3

Сдвиг парадигмы

Спуск в карьер был медленным и изнурительным. Камни осыпались под ногами, цеплялись за одежду ветки кустарника, а воздух становился все более тяжелым и влажным. Эллиот двигался осторожно, стараясь не шуметь, но каждый его шаг отдавался глухим эхом от стен каменоломни. Анализатор спектра в его руке продолжал пищать, показывая нарастающую интенсивность сигнала, который теперь ощущался не только ушами, но и всем телом. Это было похоже на погружение в густой, вибрирующий гель.

Когда он достиг дна, перед ним открылась картина, одновременно завораживающая и пугающая. Темное озеро, отражающее серое небо, было окружено остатками старых шахтерских построек, полуразрушенных и заросших. Но самое главное – прямо из воды, словно гигантский, черный зуб, торчал вход в одну из затопленных выработок. Оттуда исходил тот самый низкочастотный гул, который теперь стал почти невыносимым.

Эллиот достал мощный фонарь и направил луч в темный проем. Луч света скользнул по мокрым, черным стенам, покрытым слизью и странными, кристаллическими наростами, которые слабо мерцали в темноте. Воздух внутри был затхлым, с отчетливым запахом озона и чего-то еще, неуловимо чуждого, напоминающего запах металла после грозы, но более резкого и проникающего.

Он сделал глубокий вдох и шагнул в темноту. Вода у входа была холодной, но не ледяной, и быстро достигла ему по щиколотку. Шаг за шагом, он продвигался вглубь, ориентируясь по показаниям анализатора и слабому свечению кристаллов на стенах. Сигнал здесь был настолько сильным, что казалось, он проникает прямо в мозг, вызывая легкую тошноту и ощущение дезориентации.

Внезапно, Эллиот остановился. Перед ним открылся небольшой грот, стены которого были покрыты теми же мерцающими кристаллами. В центре грота, на небольшом возвышении, находился объект. Он был не похож ни на что, виденное Эллиотом раньше. Это была не машина, не камень, не живое существо в привычном понимании. Объект представлял собой сложную, многогранную структуру из темного, почти черного материала, который, казалось, поглощал свет. Его поверхность была покрыта замысловатыми узорами, напоминающими одновременно и фракталы, и древние письмена. От объекта исходило слабое, пульсирующее свечение, которое, казалось, и было источником всего этого гула.

Эллиот медленно приблизился, стараясь не нарушить хрупкое равновесие. Анализатор спектра зашкаливал. Он достал портативный рекордер и включил запись.

«Что ты такое?» – прошептал он, обращаясь к объекту.

В ответ, свечение объекта усилилось, и гул стал более интенсивным. Эллиот почувствовал, как его тело начинает вибрировать в унисон с объектом. В голове начали возникать образы – не картинки, а скорее ощущения, концепции. Он видел, как этот объект, или нечто подобное ему, путешествует сквозь космос, не как корабль, а как… волна. Волна сознания, которая ищет носителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.